

**ПРОБЛЕМАТИКА ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

АФИНОГЕНОВ Дмитрий Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, эксперт РАН, e-mail: afinogenov_d@inbox.ru

АЛФЕРОВ Сергей Юрьевич, аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, e-mail: le.bon@bk.ru

Аннотация. Целью статьи является анализ существующей государственной политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и защиты ее государственности. Предметом статьи являются различные аспекты противодействия технологиям разрушения государственности, отраженные в документах стратегического планирования России и зарубежных стран. В результате на основе анализа доктринальных документов зарубежных акторов и современной практики деструктивного воздействия на страны-объекты. Авторами были выявлены наиболее актуальные технологии, посредством которых происходит разрушение государственности: информационное, политическое, экономические и кибер-воздействие на население и инфраструктуру. В настоящее время основные угрозы переносятся с военной и экономической сфер на информационную. Одной из приоритетных задач внешних акторов является воздействие на население с целью изменения ценностей и смыслов.

В связи с доминированием силовой компоненты в нормативно-правовой базе в области национальной безопасности России, авторами предлагается внести ряд изменений в основные документы стратегического планирования, усилив проблематику гуманитарной составляющей, духовно-нравственных ценностей, культуры.

Ключевые слова: государственность, национальная безопасность, государственная и общественная безопасность, информационное воздействие, система противодействия, мягкая сила.

PROBLEMATICS OF PROTECTING THE NATIONHOOD OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SCOPE OF ENSURING NATIONAL SECURITY

AFINOGENOV D. A., Doctor of Political Sciences, Professor at the Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), expert of the Russian Academy of Sciences, e-mail: afinogenov_d@inbox.ru

ALFEROV S. Y., Post-graduate student of the Department of Public Administration and National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), e-mail: le.bon@bk.ru

Abstract. The purpose of the article is to develop recommendations for countering the destruction of the nationhood of the Russian Federation. The subject of the article is various aspects of countering the technologies of destruction of nationhood, reflected in the strategic planning documents.

The results of the accomplished work: based on the analysis of the doctrinal documents of foreign actors and the modern practice of destructive impact on the target countries, the authors identified the most relevant technologies through which the destruction of nationhood occurs: information, political, economic and cyber impact on the population and infrastructure. Currently, the main threats are shifted from the military and economic spheres to the information one. One of the priority tasks of external actors is to influence the population in order to change values and meanings.

In connection with the dominance of the power component in the regulatory and legal framework in the field of national security of Russia, the authors propose to make a number of changes to the main documents of strategic planning, strengthening the problems of the humanitarian component, spiritual and moral values, and culture. At the same time, the main task at the state level should be the creation of a holistic, in terms of goal-setting and management, system of countering the destruction of statehood.

Keywords: nationhood, national security, state and public security, information operations, counteraction system, strategic planning.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика противодействия разрушению государственности Российской Федерации для отечественной политической науки достаточно актуальна. За последние 20 лет проделана огромная практическая работа по обеспечению защиты суве-

ренитета, территориальной целостности и конституционного строя, прав и свобод граждан России. Создана достаточно емкая система документов стратегического планирования по направлениям обеспечения военной, государственной и общественной, экономической и международной безопасности. Однако на этом фоне в условиях нарастания угроз и вызовов национальной безопасности России вырисовывается понимание необходимости формирования целостной государственной политики по сохранению и сбережению государственности как базовой основы всей политики обеспечения национальной безопасности, а также выработки действенных инструментов и механизмов, направленных на достижение этой цели.

Сегодня уже достаточно очевидно, что современный мир вступает в период жесткого противоборства. Об этом свидетельствуют процессы, происходящие в международных отношениях. Нарастает конкуренция в политической, экономической, технологической, социальной и духовной сферах. Происходит игнорирование норм международного права. Требуют реформирования базовые институты мировой стабильности и безопасности – ООН, ОБСЕ и др. С использованием новейших информационных технологий осуществляется воздействие на основы развития гражданского общества России, не прекращаются попытки размыть традиционные национальные ценности, разрушить систему государственной и общественной безопасности.

Реакцией на рост внешних и внутренних вызовов и угроз национальной безопасности России стало внесение поправок в основной закон. Так, в контексте укрепления российской государственности в Конституцию Российской Федерации внесен целый ряд принципиальных поправок, качественно меняющих ситуацию и с политической, и с практической точки зрения. В частности, в новой редакции части 2 статьи 67 фиксируется, что Российская Федерация обеспечивает защиту территориальной целостности и суверенитета; отмечается недопустимость действий и призывов, направленных на отчуждение части территории. В новых пунктах статьи 67 говорится о признании исторически сложившегося государственного единства и защите исторической правды. В новой редакции статей 68 и 69 отмечается государствообразующий народ и что государство поддерживает и охраняет культуру, а также гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия¹. Безусловно, данные поправки являются своевременными, но, на наш взгляд, только их недостаточно.

Направления работы внешних акторов по разрушению государственности

Прежде всего определим, что представляет из себя государственность. В научной литературе есть несколько подходов к её пониманию. Одна группа исследователей не делает различий между государственностью и государством, другая –

¹ Конституция Российской Федерации (с изменениями на 14 марта 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 04.05.2021).

делает, отмечает, что это разные явления. В первом случае невозможно выявить сущность государственности, поэтому интерес представляют авторы, работающие в рамках второго подхода. Среди них можно выделить как зарубежных, так и отечественных исследователей, в частности Дж. П. Неттла, Ч. Тилли, М. В. Ильина, Е. Г. Пономарёву и др.

Данная группа исследователей в целом работает в одном направлении. С их точки зрения, государственность представляет собой конструкт, состоящий из двух элементов: состоятельности и статусности. Первое определяет способность государства выполнять свои функции, второе – его признание как со стороны граждан, так и со стороны других государств. При этом Е. Г. Пономарёва отмечает, что государственность присуща не всем государствам. В дополнение данное явление характеризует общество на определённом этапе развития¹.

В целом, соглашаясь с данной точкой зрения, отметим, что государственность представляет собой существенное свойство общества и качество государства, выраженное через статусность и состоятельность. При этом общество какой-либо страны может обладать этим свойством, а само государство качеством нет².

Ввиду этого разрушение государственности возможно при выполнении двух сценариев. Первый – осуществление информационного воздействия на население с целью изменения у него представлений, мнений об исторических событиях, текущей политической реальности и др., а также поведения. Второй – политическое, экономическое, дипломатическое, военное и кибервоздействие на государство в целях его дестабилизации или распада.

Отметим, что сегодня стратегические вопросы обеспечения безопасности во многом определяются не только, а зачастую и не столько военной силой, сколько технологическими, экономическими, информационными, организационными и иными возможностями сторон. А использование таких комплексных возможностей для организации воздействия на Российскую Федерацию и составляет сегодня суть государственной политики коллективного Запада во главе с США в отношении России.

За Российской Федерацией на доктринальном уровне закреплён статус враждебного государства. В частности, в «Стратегии национальной безопасности США» (2017 г.) отмечается, что Россия является ревизионистской державой, предпринимающей попытки подорвать безопасность США³. В промежуточной СНБ 2021 года фиксируется растущее соперничество со стороны России, а также её

¹ Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 1 (16). – С. 64-76.

² Алферов С.Ю. Явление государственности в современных научно-теоретических воззрениях // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10.- № 9 (61). – С. 2673-2674.

³ National Security Strategy of the United States of America 2017.- P.2.- 25 // Homeland Security Digital Library [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=806478> (дата обращения: 04.05.2021).

разрушительная роль на мировой арене¹. Стремление же к сохранению бесспорного мирового лидерства и превосходства Соединенных Штатов закреплено целым рядом документов стратегического планирования.

Добавим, что в «Стратегии национальной безопасности Великобритании» (2021 г.) Россия названа острой угрозой безопасности². Более того, указывается, что будет активно проводиться политика сдерживания в отношении нашей страны³.

Исходя из таких концептуальных установок, можно предположить, что и впредь США будут нацелены на ослабление своего важнейшего геополитического соперника – России. Для этого с целью полного политического, военного, экономического и гуманитарного доминирования над Российской Федерацией будет наращиваться политическое, военное, санкционное и информационное давление.

Учитывая уровень военной мощи России, вопрос прямой военной агрессии против нашей страны приобретает в большей степени виртуальный характер. Однако это совершенно не означает, что разрушение российской государственности иными методами и средствами снимается с повестки дня западным политическим истеблишментом. Наоборот, идут поиск и исполнение новых путей воздействия на российскую государственность. Осуществляются попытки вовлечения Российской Федерации в различного рода вооруженные провокации, внесение противоречий в гражданское общество России, раскачивание внутренней общественно-политической ситуации. Налицо перенос усилий наших контрагентов с военно-силовой и экономической сфер давления на информационную, политическую, социальную и гуманитарную.

Это в целом мировая тенденция, так как сегодня наблюдается увеличение веса гуманитарной составляющей в международной жизни. В частности, для решения важнейших стратегических задач подрыва основ российской государственности всё чаще применяются информационные технологии и инструментарий так называемой мягкой силы⁴. Эти инструменты массированного деструктивного воздей-

¹ Interim National Security Strategic Guidance 2021. P.6-8 // Homeland Security Digital Library [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=852371> (дата обращения: 04.05.2021).

² Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy 2021, P.25 // House of Lords Library [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/WhdRT> (дата обращения: 04.05.2021).

³ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy 2021, P.61 // House of Lords Library [Электронный ресурс]. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age-the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 04.05.2021).

⁴ Алферов С.Ю. Фактор «мягкой силы» в процессе подготовки и осуществления «цветных революций» // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Т. 20. - № 1. – С. 43-49.

ствия на население и инфраструктуру России в ближайшей и среднесрочной перспективе станут, вероятно, наиболее востребованными в работе по дестабилизации ключевых государственных институтов России и разбалансировке ее гражданского общества.

Одна из главных целей наших оппонентов – разрушение государственности посредством подмены традиционных для нашей страны ценностей и смыслов, уничтожение самосознания российского народа, размывание нравственных основ гражданского общества. И эта стратегическая задача по ослаблению России будет решаться преимущественно в информационно-медийном пространстве. Задел для этого создан. По оценкам ряда экспертов, информационное направление становится главным риском для защиты государственности, центральным «полем битвы» современности и завтрашнего дня. Не экономика, не захват территорий и глобальных транспортных коммуникаций, а политика борьбы за умы и настроение каждого конкретного человека, борьба за переформатирование гражданского общества России и переход его к иным моделям и ценностям развития видятся стратегическим путем нового этапа противоборства Запада с Россией. И это противоборство уже имеет реальные очертания. Советник министра обороны России А. М. Ильницкий образно отметил, что против России развязана «ментальная война», т.е. война, направленная на изменение мировоззрения. По мнению А. М. Ильницкого, её главная угроза заключается в невозможности восстановления эволюции мировоззрения¹.

А ведь именно мировоззренческий аспект является центральным в становлении идентичности. В статье академика А. А. Дынкина отмечается: «...одна из основных его причин – размывание ценностных ориентиров и неопределённость личных жизненных перспектив. Неустойчивые социальные связи актуализируют ситуативные, в том числе деструктивные групповые идентичности. Это источник угроз для социальной и культурной безопасности»².

Развивая эту мысль, можно поставить данное обобщение еще шире и констатировать, что размывание ценностных ориентиров является ключевой угрозой и в сфере государственной и общественной безопасности, и в рамках иных стратегических приоритетов и в целом может рассматриваться как важнейший негативный фактор в деле обеспечения национальной безопасности.

В политической практике апробируются современные суперкомпьютерные и когнитивные технологии, которые, как полагают В. Ковалев и Ю. Матвиенко, используются с целью манипуляции массовым сознанием и достижения за счет этого по-

¹ См., например: Безопасность страны как фундамент развития // Арсенал отечества [Электронный ресурс]. – URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1414-bezopasnost-strany-kak-fundament-razvitiya> (дата обращения: 07.05.2021).

² Дынкин А.А. Социально-гуманитарное измерение ответов на большие вызовы // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89. – № 4. – С. 384-415. - С. 389.

литических целей посредством инициации движения гражданского сопротивления¹.

Можно констатировать, что опасности и угрозы из периодически возникающих превращаются в механизм постоянного воздействия, в фактор повседневной жизни. Это требует изыскания дополнительных ресурсов и возможностей, а также поиска новых путей решения проблем защиты государственности, в том числе с учетом принципов и методов стратегического планирования.

Следует признать, что коллективный Запад в противодействии с Россией в 1990-х – начале 2000-х годов добился определённых успехов и преимуществ с помощью «мягкой силы» и продвижения «демократических ценностей», подкрепленных, правда, аргументами сил специальных операций и авианосных соединений, экономическим диктатом долларовой денежной системы, а также технологическим превосходством. Коллективному Западу удалось инициировать целую серию «цветных революций», в том числе и на постсоветском пространстве. Это позволило во многом переформатировать его в своих интересах. И сегодня становление в ряде стран СНГ зависимых от США режимов влечёт за собой повышение напряжённости по периметру границ, поддержание конфликтного потенциала по границам России, что имеет важное значение для национальной безопасности России.

Всё это с учетом роста иностранного влияния на страны СНГ и дестабилизации ситуации в постсоветском пространстве потребует определённого уточнения приоритетов в политике обеспечения национальной безопасности России, усиления акцентов на проблемах консолидации общественного сознания, правильного понимания национальных ценностей и национальных интересов России, на воспрепятствовании ограничениям в использовании русского языка, поддержке пророссийских СМИ и интернет-изданий, расширению ареала российской культуры.

Что касается уточнения приоритетов, то, оставляя неизменным внимание к развитию «силовых» компонентов защиты российской государственности, акцент в формировании системы противодействия технологиям разрушения государственности Российской Федерации сегодня и в перспективе следует смещать на приоритеты гуманитарно-нравственного плана, в сторону воспитания в гражданском обществе смыслов и ценностных установок, повышения эффективности проводимой культурной политики и обеспечения информационной безопасности, расширения информационного противоборства на важнейших направлениях внешней и внутренней политики. В основе всех этих приоритетов лежат вопросы обеспечения информационной безопасности, расширения контекста её понимания с обеспечивающей функции в политике национальной безопасности до самостоятельного стратегического национального приоритета, повышение в целом роли и места этого аспекта деятельности в решении задачи сохранения государственности.

На примере Белоруссии мы видим, что даже при наличии выстроенной и эффек-

¹ Ковалев В.И., Матвиенко Ю.А. «Поведенческая» война как одна из перспективных невоенных угроз безопасности России // Информационные войны. – 2016. – Т. 40. – № 4. – С. 20-24.

тивно функционирующей системы правоохранительных и иных специальных органов органы власти зачастую оказываются не в состоянии наладить действенный диалог с оппозицией и реализовать конструктивные меры поддержания правопорядка и общественно-политической стабильности в стране. Еще большую слабость перед лицом потери государственности и суверенитета продемонстрировала система власти в Киргизии и в Армении.

Между тем в этих государствах есть система силовых структур, органы обеспечения национальной безопасности и достаточно четко прописанные процедуры взаимодействия и поддержания общественно-политической стабильности и правопорядка как важнейшего фактора противодействия различного рода технологиям разрушения государственности. Несмотря на это, ситуация там приобретала драматический характер, в том числе с точки зрения сущности и будущности самих этих государств.

Практика показывает, что общей ошибкой противодействия технологиям разрушения государственности является недооценка того фактора, что информационные и когнитивные технологии в ареале средств зарубежных спецслужб и структур давно уже занимают не подчиненное, а ведущее место. Мы имеем дело с высоким уровнем профессионализма разработчиков различных сценариев развития событий и грамотным медийным обеспечением проводимой политики.

Можно перечислять и иные, менее масштабные, но значимые для обеспечения национальной безопасности и сохранения государственности факторы. Однако главное заключается в том, что избранная и широко применяемая на всем постсоветском пространстве модель противодействия технологиям разрушения государственности преимущественно «силовыми» методами и организационным путем всё чаще дает сбой и показывает свою недостаточную эффективность. Это необходимо учитывать при формировании и реализации государственной политики защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения её государственности. И такие специальные шаги и меры должны быть предусмотрены соответствующими документами стратегического планирования.

Обеспечение защиты государственности Российской Федерации

Отметим, что специальные шаги и меры, связанные с работой по противодействию разрушению государственности, должны быть предусмотрены соответствующими документами стратегического планирования. Рассмотрим этот вопрос более подробно. С точки зрения функциональной компоненты противодействие технологиям разрушения государственности осуществляется в соответствии с основными нормативно-правовыми актами Российской Федерации. В частности, это Конституция Российской Федерации, в том числе ст. 71 (п. «м») и ст. 79, Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ, Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности кри-

тической информационной инфраструктуры Российской Федерации», Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 5.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики».

Представляется необходимым более предметно остановиться на концептуальных и нормативно-правовых актах в области реализации приоритета «Государственная и общественная безопасность» (ГОб), а именно на разработанных концепциях, стратегиях, государственных программах и доктринах. Вероятно, охватить весь пласт документов в этой области не представляется возможным в числе прочего по причине закрытости информации. Однако даже доступных для широкого рассмотрения 27 нормативно-правовых актов в сфере реализации этого стратегического национального приоритета достаточно, чтобы выявить некоторую тенденцию.

Так, рис. 1 демонстрирует следующее. В сфере государственной и общественной безопасности преобладают нормативно-правовые акты, регламентирующие в основном действия так называемой силовой компоненты системы обеспечения национальной безопасности по защите государственности. Они направлены на противодействие экстремизму, борьбу с терроризмом, преступлениями, обеспечение общественного порядка. Добавим, что также существует ряд нормативно-правовых документов в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций. Здесь они не рассматриваются по причине того, что данная сфера не входит в направления обеспечения ГОб. Данный подход к формированию системы обеспечения национальной безопасности в первые десятилетия постсоветского периода в целом был оправдан. Наша страна столкнулась с сепаратизмом, терроризмом, организованными преступными формированиями (ОФП). В результате принятых мер в основном силового характера была предотвращена утрата территорий, в значительной степени ликвидированы ОФП, а число терактов в период с 2010 по 2021 год сократилось в 260 раз. Однако времена меняются. Сегодня, как отмечалось ранее, на повестке дня стоит борьба за умы.

При этом лишь несколько документов имеют гуманитарную направленность и нацелены на укрепление межнационального согласия. «Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» (2020 г.) хоть и ставит своей целью содействие развитию казачества, наследия и культуры, но в то же время в ней фиксируется в качестве одного из приоритетов участие казаков в обеспечении территориальной и гражданской обороны.

Кроме того, в «Концепции общественной безопасности» (2013 г.) среди мер по обеспечению безопасности на долгосрочную перспективу вообще не указываются

действия по предотвращению информационного влияния на население страны. Нет упоминания данной деструктивной активности и среди основных угроз¹.

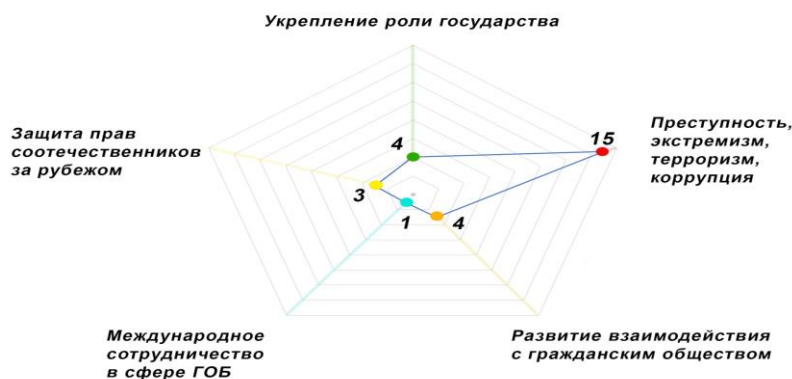

Рисунок 1 – Результаты анализа нормативно-правовой базы в области обеспечения государственной и общественной безопасности с позиций защиты государственности

Figure 1 – The results of the analysis of the regulatory framework in the field of ensuring state and public security from the standpoint of protecting statehood

В. В. Путин в послании Федеральному Собранию 2021 года отметил необходимость отстаивать и защищать традиционные духовно-нравственные ценности². Однако, если мы посмотрим «Стратегию национальной безопасности России» в редакции 2015 года, базовые ценности российского государства и общества остаются за скобками, вопросы сохранения духовно-нравственных основ российского гражданского общества, единого культурного пространства и общероссийской идентичности затрагиваются лишь частично в приоритете «культура», хотя такие приоритеты, как «повышение качества жизни граждан», «государственная и общественная безопасность», также затрагивают эти вопросы.

В дополнение вопросы духовно-нравственной сферы лишь по касательной затрагиваются в некоторых других нормативно-правовых актах, в частности в «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации» (2013 г.) и «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до

¹ Концепция общественной безопасности Российской Федерации 2013 г. // Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 08.05.2021).

² Послание Президента Федеральному Собранию // Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 15.05.2021).

2025 года» (2012 г.). Более того, в первом документе защита ценностей не выделена в отдельное направление деятельности по обеспечению общественной безопасности¹. Это говорит о том, что в рамках обеспечения государственной и общественной безопасности им, по сути, придаётся второстепенное значение.

Вместе с тем именно фактор ценностей в политике зарубежных стран приобретает всё большее значение. Например, в «Стратегии национальной безопасности США» (2017 г.) отмечается необходимость «...проводить последовательные кампании в области коммуникаций для продвижения влияния США и борьбы с вызовами идеологических угроз, исходящих от радикальных исламистских группировок и стран-конкурентов, обличения пропаганды и дезинформации противника». Более того, предлагается «...подключиться к идеологической борьбе «местных голосов», придать им более мощное звучание, объединиться с ними для продвижения альтернатив посланиям, полным насилия и ненависти»². Отметим, что это не просто теоретические установки. США обладают большим практическим опытом в организации государственных переворотов, «цветных революций» и проведении информационных операций. Этому способствуют широкие финансовые и организационные возможности.

Представляется, что для формирования качественно новой политики защиты государственности важнейшее значение имеет фактор научной обеспеченности. Данный фактор представляется наиболее важным и проблемным для политической практики и практики государственного управления. И здесь следует отметить, что наши зарубежные оппоненты достаточно далеко продвинулись на этом направлении. В частности, по экспертному мнению, в США выстроена развитая сеть направительных и правительственных организаций, занимающихся научным обеспечением политики национальной безопасности³. Также авторы отмечают, что в целом после Второй мировой войны понятие «национальная безопасность» получило в США политическое признание, а с 1950-х – 1960-х годов национальная безопасность рассматривается как политологический концепт и самостоятельная область научных исследований⁴.

Фактор научной обеспеченности является крайне важным в процессе формирования действенной и эффективной государственной политики защиты государственности. Любая государственная политика как совокупность политических уста-

¹ Концепция общественной безопасности Российской Федерации 2013 г. // Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 08.05.2021).

² National Security Strategy of the United States of America 2017, P.2, 35 // Homeland Security Digital Library [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=806478> (дата обращения: 04.05.2021)

³ Алексеева Т.А., Назаров В.П., Афиногенов Д.А. Повышение научной обеспеченности политики в области национальной безопасности // Международные процессы. – 2020. – Т.18. – № 1(60). – Январь–март. – С. 10.

⁴ Там же – С. 17.

новок и идей, форм и способов реализации спланированных мер в практике управления является весьма сложным и многофакторным процессом. Следовательно, вопросы его научного обеспечения крайне актуальны. В наиболее отточенной форме такого рода научное обеспечение имеет место в США, где вопросы разрушения государственности стран-соперников являются предметом исследований многочисленных «мозговых центров». И здесь наши возможности практически не сопоставимы. По состоянию на 2020 год в Соединенных Штатах существует 2203 так называемых фабрик мысли (для сравнения в России таковых 143)¹. Стоит ли говорить, что подобное количество аналитических и исследовательских центров, а также качество их работы самым позитивным образом сказывается на степени разработанности тех или иных концепций и управленческих решений.

Например, в США на государственном уровне только в области информационных операций утверждены около пятнадцати направлений деятельности, среди которых стратегические коммуникации, операции в киберпространстве, совместные мероприятия с участием военных и гражданских лиц и др. Для каждого направления разработаны собственные доктрины и ряд сопутствующих документов. Так, в 2014 году Объединённым комитетом начальников штабов была принята «Доктрина информационных операций» (Joint Publication 3-13 Information Operations). В 2018 году на 118 страницах были опубликованы инструкции по ведению информационных операций (The conduct of information operations). Список документов можно продолжать. Дополним, что один из крупнейших мировых аналитических центров RAND Corporation на постоянной основе занимается исследованием различных аспектов информационных операций².

На практике такого рода информационные операции осуществляются Вооружёнными силами США. Однако к сотрудничеству привлекаются коммерческие и гражданские организации. Таким образом, в США существует теснейшая спайка между военным, научным и гражданским сообществами. Это позволяет, во-первых, выделять приоритеты в решении крупных комплексных задач; во-вторых, уделять внимание таким сложным и комплексным аспектам совместной деятельности, как оптимальное использование национальных ресурсов и выработка адекватных критериев их распределения между военным и гражданским секторами экономики.

Важно отметить, что информационное воздействие на население страны объекта, гражданскую и военную инфраструктуру осуществляется не только в военное, но и в мирное время³, в форме так называемых поведенческих войн, основанных на широ-

¹ 2020 Global Go To Think Tank Index Report James G. McGann 2021. P.44 // ScholarlyCommons [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/U4GwM> (дата обращения: 09.05.2021).

² Information Operations // RAND Corporation [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rand.org/topics/information-operations.html> (дата обращения: 12.05.2021).

³ Шариков П.А. Информационные операции современной военной стратегии США. Анализ доктринальных документов министерства обороны и государственного департамента // Россия и Америка в XXI веке. – 2015. – № 1.

ком применении против страны-объекта современных информационных и когнитивных технологий.

Именно такие технологии были применены в Белоруссии во второй половине 2020-го и первой половине 2021 года. На первом этапе с помощью использования новых медиа, главным образом мессенджера Telegram, велась информационная работа с населением с целью воздействия на общественное сознание. Кроме того, в дальнейшем данный мессенджер позволил в реальном времени координировать массовые протестные акции. В дополнение осуществлялись кибератаки на белорусские интернет-ресурсы, в частности на официальные сайты КГБ и МВД. Не достигнув цели с помощью провоцирования массового ненасильственного сопротивления, была применена технология организации государственного переворота и расширены меры экономического давления на Минск посредством введения санкций на ряд государственных предприятий.

На данном примере видно, что технологии разрушения государственности включали в себя несколько направлений – информационное, экономическое, политическое и кибервоздействие на население и инфраструктуру. Полагаем, что данные технологии будут главенствующими в будущем в попытках дестабилизации внутриполитической ситуации в Российской Федерации. При этом важно понимать, что проведение всех этих мероприятий и акций осуществлялось и будет осуществляться в рамках единой политики и единого замысла, что говорит о системном подходе к этим вопросам и требует такого же системного и комплексного реагирования.

Что же в практическом плане следовало бы предпринять для повышения эффективности работы по сохранению российской государственности как ключевого на сегодня звена обеспечения национальной безопасности и динамичного развития страны? Основной задачей на государственном уровне должно стать формирование целостной и единой с точки зрения управления и целеполагания системы противодействия технологиям разрушения государственности. Такая система должна включать в себя федеральные и региональные органы исполнительной и законодательной власти, а также государственные учреждения, реализующие меры нормативно-правового, организационного, политического, экономического и иного характера в рамках единой политики. Основную роль в этом направлении играет федеральный уровень власти, так как в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 71, п. «е», «м») именно на нём устанавливаются основы федеральной политики и федеральных программ¹.

Для выстраивания такой системы следует внести целый ряд корректив в основные документы стратегического планирования, выполняющие функции стратегического целеполагания. Прежде всего в «Стратегию национальной безопасности Рос-

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с изменениями на 14 марта 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 04.05.2021).

сийской Федерации», поскольку она является центральным документом стратегического планирования как для социально-экономического развития, так и для обеспечения НБ. В нём должна быть отражена концептуально оформленная система стратегических целей и важнейших направлений государственной внешней и внутренней политики на долгосрочный период.

«Стратегия...» как ключевой документ стратегического целеполагания должна давать ответы на целый ряд глобальных вопросов. Например, в чем состоит национальная идея России как самобытного многонационального и многоконфессионального государства? Какие национальные цели и ценности лежат в основе государственной политики обеспечения национальной безопасности? Какой должна быть наша страна в будущем и какие национальные интересы должны стать ключевыми для обеспечения ее динамичного развития?

Более того, за последние годы практически на всех этапах экспертного рассмотрения и обсуждения вопросов реализации действующей «Стратегии национальной безопасности» многими авторитетными экспертами отмечалась необходимость отражения в проекте «Стратегии...» ценностной основы, формулирования ключевых национальных целей развития на долгосрочную перспективу. Их однозначное понимание способно консолидировать гражданское общество и повысить эффективность реализуемой государственной политики обеспечения национальной безопасности. Ввиду этого «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» могла бы стать политическим документом, определяющим стратегические цели, национальные интересы и ценности, стратегические национальные приоритеты и направления их реализации, наконец, содержание и формат государственной политики обеспечения национальной безопасности.

С точки зрения эффективной защиты российской государственности важно определить базовые стратегические цели Российской Федерации. Исходя из политических установок президента страны и поправок к Конституции, ими могло бы стать обеспечение исторически вечного существования России как независимого многонационального государства с собственным цивилизационным путем развития, а также сбережение её государствообразующего народа и всей нации.

Авторы не первые поднимают вопрос необходимости осознания национальных ценностей и их взаимозависимости с национальными интересами. Например, российский военный теоретик С. А. Тюшкевич отмечал, что мировоззрение является духовным наставником как отдельного человека, так и общества¹.

С такой точкой зрения трудно не согласиться, так как осмысление национальных интересов на ценностной основе, безусловно, есть центральный блок государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Однако одновременно это и труднейшая методологическая и научно-практическая задача.

¹ Тюшкевич С.А. Безопасность в условиях мирового кризиса // Военно-философский вестник. – 2008. – № 2 (02). – С. 14.

Например, в «Стратегии национальной безопасности России» в редакции 2015 года сформулирован целый ряд национальных интересов, которые при внимательном рассмотрении представляют собой не национальные интересы, а функцию, которая исполняется в рамках ответственности как личности, так и общества и государства. Например, это национальный интерес «оборона страны» и «повышение конкурентоспособности национальной экономики».

Из чего исходили авторы, делая такое заявление? Анализ нормативно-правовой базы, в частности Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» показывает, что Правительство Российской Федерации осуществляет меры по организации работы в области обеспечения безопасности и обороны страны, а также в сфере защиты территориальной целостности и суверенитета. Такая же зависимость прослеживается и по ряду иных нормативно-правовых актов. В частности, в подп. «д» п. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации также фиксируется, что правительство предпринимает меры по обеспечению государственной безопасности и обороны страны.

То есть, по сути, укрепление обороны есть функция государства, а не национальный интерес, к достижению которого необходимо стремиться. Рассматривая этот вопрос с точки зрения ценностной оценки, можно утверждать, что оборона страны лишь одна из функций реализации задачи обладания Россией необходимой и достаточной для проведения независимой внешней и внутренней политики военной мощи.

Ряд авторов в рамках военной мощи выделяют политико-дипломатический, экономический и собственно военный компонент, поэтому с точки зрения сути национального интереса в этом направлении национальных интересов целесообразно было бы рассматривать обладание Российской Федерацией военной мощью, гарантирующей развитие экономики и социальной сферы, функционирование гражданского общества, сохранение и развитие культуры и искусства, а также достойное место Российской Федерации в мировой системе международных отношений. В подобной трактовке данный ключевой приоритет отвечает требованиям «Стратегии национальной безопасности», поскольку затрагивает и личность, и общество, и государство. При этом фактор укрепления обороны страны является, безусловно, важным, но не единственным.

Вместе с тем, невзирая на данное замечание, стратегическое целеполагание в сфере национальной обороны сформировано, и сегодня именно область обороны страны обладает наиболее развитой и иерархически выстроенной системой документов стратегического планирования. Базовым документом здесь является «Военная доктрина Российской Федерации» (2014 г.). Её дополняет, формируя государственную политику в частных предметных областях военного дела, целый ряд иных документов. Прежде всего это «План обороны Российской Федерации на 2021–2025 годы», предусматривающий в своих рамках систему документов подготовки к

обороне, ведению обороны и её обеспечения. Среди них разного рода основы государственной политики (например, «Основы политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» (2020 г.) или «Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» (2018 г.)), а также государственные программы в различных областях (в частности, «Развитие оборонно-промышленного комплекса» (с изменениями на 13 марта 2020 года) (2016 г.) и «Обеспечение обороноспособности страны» (2013 г.)¹). Отметим, что подобная разработанность системы документов стратегического планирования на практическом уровне продемонстрировала важность единой и целостной государственной военной политики и позволила вывести обороноспособность Российской Федерации на качественно новый уровень².

Что касается приоритета «государственная и общественная безопасность», то в этом направлении нет единой и общепринятой государственной доктрины, что, безусловно, является существенным пробелом в концептуальном осмыслении государственной политики в данном направлении. И национальный интерес здесь, заключенный в обеспечении суверенитета и территориальной целостности, защите конституционного строя России, не только затрагивает иные стратегические национальные приоритеты, но и сформулирован в целом в Конституции России (см. ст. 67, п. 2.1).

Вместе с тем система документов, направленная на защиту государственности в этой сфере, уже сформирована за счет разработки документов стратегического планирования по основным базовым блокам этого стратегического национального приоритета. Например, в рамках реализации государственной политики борьбы с терроризмом в 2009 году была принята «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» (2009 г.). На федеральном, региональном и муниципальном уровне выстроена стройная система борьбы с данной угрозой. Кроме того, утверждена соответствующая государственная программа. В области обеспечения общественной безопасности действует «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» (2013 г.) и государственная программа «Обеспечение государственной безопасности» (2013 г.). В сфере обеспечения миграционной безопасности разработана и принята в 2018 году «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Комплекс мер по противодействию экстремизму регламентирован «Стратегией противодействия экстремизму» (2020 г.).

¹ Афиногенов Д.А., Назаров В.П. О некоторых неотложных задачах по совершенствованию государственной политики в области стратегического планирования // Власть. – 2020. – Т.28. – № 2. – С. 16-26.

² Russian Military Capability in a Ten-Year Perspective 2019. P. 3 // Swedish Defence Research Agency (FOI). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.foi.se/rapportsammanfattning?reportNo=FOI-R-4758-SE> (дата обращения: 10.05.2021).

Подводя краткий итог можно сказать, что с точки зрения защиты государственности политика Российской Федерации в сфере обороны представляется более эффективной, чем политика в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности. Это связано, во-первых, с единым стратегическим целеполаганием, заложенным в «Военной доктрине Российской Федерации» (2014 г.), и, во-вторых, со сбалансированным взглядом на характер угроз безопасности и формированием системы документов в соответствии с общим регламентом, установленным Положением о военном планировании в Российской Федерации (2014 г.).

В отличие от такого опыта, единого целеполагания в системе доктринальных взглядов на обеспечение безопасности в сфере государственной и общественной безопасности пока не сформировано. Как отмечает ряд авторов, «государственная безопасность» является основным элементом «национальной безопасности». Ввиду этого её нельзя соотносить с остальными видами безопасности как рядоположенную¹. Другие исследователи отдают приоритет общественной безопасности. Это влечёт снижение эффективности противодействия ряду угроз информационного и гуманитарного характера, пагубно воздействующих на состояние гражданского общества Российской Федерации. В свою очередь это способствует созданию условий для применения зарубежными акторами информационных, кибер- и иных технологий, направленных на разрушение российской государственности.

Что касается иных приоритетов, то, например, стратегический национальный интерес «повышение конкурентоспособности национальной экономики» также в большей степени является функцией и первоочередной практической задачей органов государственной власти, политических партий и гражданского общества. Поэтому при корректировке «Стратегии национальной безопасности России» целесообразно уточнить и этот аспект, имея в виду, что национальным интересом в области экономики могло бы стать создание достойных условий для устойчивого экономического развития страны и повышения благосостояния граждан.

Отдельно хотелось бы остановиться на приоритете «культура». Сегодня религия, культура, искусство признаются фундаментальной основой суверенного бытия России, а политика государства в данных областях становится одной из его важнейших стратегических целей². Ввиду этого работа по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей является базовой для сохранения национального самосознания граждан.

Отметим, что внешние акторы имеют в своём арсенале целый набор технологий для оказания воздействия на приоритет «культура». Например, психологические операции и информационная активность (стратегические коммуникации, связи с

¹ Редкоус В.М. Некоторые вопросы совершенствования Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 8 (56). – С. 83-88.

² Казин А.Л. Культура и государственность: учебное пособие для аспирантов. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 14.

общественностью, медиаоперации и т.д.) применяются ими с целью влияния на отдельно взятого человека, социальную группу или общество в целом для изменения поведенческих установок, представлений о чём-либо, идей и ценностей. Поэтому организация противодействия данным технологиям с целью предотвращения разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей для России является первоочередной задачей, которую должно решать государство в данной области. Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день сделать это в полной мере не удаётся.

Так, в сфере реализации стратегического национального приоритета «культура» система концептуальных воззрений и стратегическое целеполагание только начинают выстраиваться. Утвержденная государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры» (2014 г.) как программно-плановый документ стратегического планирования не дает возможности спрогнозировать весь спектр угроз и вызовов российской государственности в этом направлении. Более того, не представляется возможным выстроить систему мероприятий не только противодействия, но и воздействия на зарубежные аудитории на долгосрочную перспективу.

Добавим, что в рамках реализации национального приоритета «культура» должна вестись работа по формированию позитивной духовно-нравственной среды, патриотического восприятия гражданами России истории и достижений своей Родины. Ввиду этого в данной области должен быть разработан и принят базовый документ стратегического целеполагания определения типа стратегии или основ государственной политики.

Проблема укрепления российской государственности всё в большей степени стала рассматриваться с позиций обеспечения информационной безопасности. В 2016 году была утверждена «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», а в 2021 году – «Основы государственной политики в области международной информационной безопасности». Однако в данных документах главным образом делается упор на техническую составляющую и в меньшей степени на вопросы противодействия информационного влияния на культуру и ценности. Другими словами, преобладает техническая компонента над гуманитарной.

В частности, в «Доктрине информационной безопасности» (2016 г.) отмечается необходимость применения информационных технологий духовно-исторических, культурных и исторических ценностей; во-вторых, в соответствии с военной политикой фиксируется нейтрализация информационно-психологического воздействия. Однако не существует ни одного нормативно-правового акта, определяющего конкретные действия по сохранению ценностей как основы понимания сущности национальных интересов. В дополнение полагаем, что противодействие психологическому воздействию должно осуществляться в рамках не только военной политики, но и гражданской направленности с привлечением негосударственных акторов. Какого-либо нормативно-правового акта в данной сфере также нет.

В этой связи представляется необходимым внести корректировки в государственную политику в сфере информационной безопасности.

В этом направлении обращает на себя внимание заявление секретаря Совета безопасности России Н. Патрушева о том, что информационное пространство будет одним из главных приоритетов в новой редакции стратегии национальной безопасности России¹. Формирование нового стратегического национального приоритета говорит о значении для обеспечения национальной безопасности этого направления и выдвигает определенные новые требования к обеспечению информационной безопасности.

Прежде всего, всю работу необходимо вести в рамках установленного алгоритма стратегического планирования, а именно: через проведение стратегического политического целеполагания; формирование стратегического анализа, стратегического прогноза, а также разработку мер стратегического планирования в сфере информационной безопасности Российской Федерации и контроля за ситуацией в информационной сфере при реализации стратегических национальных приоритетов.

Кроме того, учитывая значение информационной безопасности в общей системе мер по защите национальных интересов Российской Федерации, вопросы защиты населения от деструктивного информационно-психологического воздействия со стороны внешних и внутренних акторов следовало бы вынести в отдельный стратегический национальный приоритет.

Было бы также целесообразно повысить роль средств кибербезопасности и мер информационного противоборства в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. В первую очередь необходимо структурировать нормативно-правовую базу в данной сфере, придать ей системный характер². Пристальное внимание стоит уделять защите критической инфраструктуры. Так, только за январь–ноябрь 2020 года было выявлено более 200 атак на стратегические предприятия. Это в два раза больше, чем за весь 2019 год³.

Представляется, что важным условием обеспечения кибербезопасности является тесное сотрудничество государственных структур с частными организациями. При этом оно должно носить взаимовыгодный характер. Государство может в некоторой степени использовать ресурсы коммерческих организаций, например, вычислительные или людские. В свою очередь, частные организации, повышая потенциал и способности государственных структур, предохраняют себя от атак из-за рубежа, происходящих в числе прочего и от государственных акторов.

¹ Патрушев рассказал о новой стратегии информационной безопасности // РИА «Новости» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20210531/patrushev-1734971963.html> (дата обращения: 17.05.2021).

² Литвинов Д.А. Оценка политики России в области кибербезопасности и возможные варианты её совершенствования // Вестник науки и образования. – 2019. – № 19 (73). – ч. 2. – С. 76-81.

³ Эксперты выявили скачок числа кибератак на стратегические предприятия РФ// Интерфакс [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/739380> (дата обращения: 18.05.2021).

Однако для этого недостаточно действий лишь по укреплению собственной кибербезопасности. Необходимо на международном уровне продвигать российские стандарты. Не менее важным является отстаивание позиции по необходимости выработки международно-правовых инструментов, предотвращающих использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ ситуации состояния проблемы обеспечения государственности как важнейшего сущностного феномена национальной безопасности позволяет сформулировать ряд общих выводов и тенденций, имеющих значение для развития как политической науки в целом, так и для уточнения общей теории национальной безопасности.

Акценты в обеспечении государственности целесообразно смещать в сторону гуманитарной составляющей процесса обеспечения национальной безопасности. Это следует хотя бы из приведенного сопоставимого анализа систем документов стратегического планирования в направлении государственной и общественной безопасности и в рамках приоритета «культура».

Кроме того, анализ сущности нормативных актов, принимаемых в рамках различных стратегических национальных приоритетов, показывает, что, например, в области государственной и общественной безопасности преобладают нормативно-правовые акты «силового» плана, направленные на противодействие экстремизму, борьбу с терроризмом, преступлениями, обеспечение общественного порядка и защиту населения от природных и техногенных угроз. В сфере информационной безопасности основное внимание уделяется технической стороне вопроса. Таким образом, в сфере государственной и общественной безопасности преобладает силовая компонента, в информационной – техническая.

При этом критически мало внимания уделяется гуманитарной составляющей. Более того, в области культуры нет базового документа стратегического целеполагания, на основе которого могла бы быть выстроена система мер по противодействию деструктивному влиянию на неё, а также оказанию воздействия на аудитории других стран.

В результате при преобладании одних средств противодействия и неполноценной разработанности других невозможно обеспечить необходимый уровень национальной безопасности, в то время как внешние акторы для разрушения нашей государственности используют весь спектр технологий: силовые и несиловые, технические и гуманитарные.

В целом важно отметить, что сегодня всё большее значение для обеспечения

¹ Лавров С.В. Глобальные проблемы кибербезопасности и международные инициативы России по борьбе с киберпреступностью // МИД РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4350978 (дата обращения: 18.05.2021).

суверенного и независимого развития России, способности противостоять санкционному давлению, а также возможности проводить взвешенную и самостоятельную политику на мировой арене приобретает «несиловая» компонента национальной безопасности.

В частности, повышение конкурентоспособности России, высокое качество человеческого потенциала и инновационной сферы, состояние и развитие науки и технологий, систем образования и здравоохранения России, сохранение традиционных основ российского общества, российской самобытности, культуры, ценностей и патриотизма, обеспечение единства народа и целостности страны, укрепление вертикали власти, а также эффективность государственного управления при переводе экономики на новый технологический уклад – все эти направления являются долгосрочными и должны определять сущность государственной политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и защиты ее государственности.

Библиография/References:

1. Алексеева Т.А., Назаров В.П., Афиногенов Д.А. Повышение научной обеспеченности политики в области национальной безопасности // Международные процессы. – 2020. – Т. 18. – № 1 (60). – С. 6-28.
2. Алферов С.Ю. Фактор «мягкой силы» в процессе подготовки и осуществления «цветных революций» // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 43-49.
3. Афиногенов Д.А., Назаров В.П. О некоторых неотложных задачах по совершенствованию государственной политики в области стратегического планирования // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 2. – С. 16-26.
4. Дынкин А.А. Социально-гуманитарное измерение ответов на большие вызовы // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89. – № 4. – С. 384-415.
5. Казин А.Л. Культура и государственность: учебное пособие для аспирантов. – СПб.: РИИИ, 2019. – 131 с.
6. Ковалев В.И., Матвиенко Ю.А. «Поведенческая» война как одна из перспективных невоенных угроз безопасности России // Информационные войны. – 2016. – № 4 (40). – С. 20-25.
7. Литвинов Д.А. Оценка политики России в области кибербезопасности и возможные варианты ее совершенствования // Вестник науки и образования. – 2019. – № 19-2 (73). – С. 76-82.
8. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 1 (16). – С. 64-76.

9. Редкоус В.М. Некоторые вопросы совершенствования Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 8 (56). – С. 83-88.

10. Тюшкевич С.А. Безопасность в условиях мирового кризиса // Военно-философский вестник. – 2008. – № 2 (02). – С. 12-16.

11. Шариков П.А. Информационные операции современной военной стратегии США. Анализ доктринальных документов министерства обороны и государственного департамента США // Россия и Америка в XXI веке. – 2015. – № 1.

1. Alekseeva, T.A., Nazarov, V.P., Afinogenov, D.A. (2020) Povyshenie nauchnoi obespechennosti politiki v oblasti natsional'noi bezopasnosti [Enhancing scientific support for national security policy making: international experience] // Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]. – Т. 18. – № 1 (60). – P. 6-28. (In Russ.)

2. Alferov, S.Iu. (2020) Faktor «miagkoi sily» v protsesse podgotovki i osushchestvleniia «tsvetnykh revoliutsii» ["Soft power" factor in "color revolutions" preparation and implementation] // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration]. – Т. 20. – № 1. – P. 43-49. (In Russ.)

3. Afinogenov, D.A., Nazarov, V.P. (2020) O nekotorykh neotlozhnykh zadachakh po sovershenstvovaniiu gosudarstvennoi politiki v oblasti strategicheskogo planirovaniia [On some urgent tasks for improving the state policy in the field of strategic planning] // Vlast' [The Power]. – Т. 28. – № 2. – P. 16-26. (In Russ.)

4. Dynkin, A.A. (2019) Sotsial'no-gumanitarnoe izmerenie otvetov na bol'shie vyzovy [Social and humanitarian measurement of responses to grand challenges] // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]. – Т. 89. – № 4. – P. 384-415. (In Russ.)

5. Kazin, A.L. (2019) Kul'tura i gosudarstvennost' [Culture and statehood]: uchebnoe posobie dlia aspirantov. – SPb.: RIII. – 131 p. (In Russ.)

6. Kovalev, V.I., Matvienko, Iu.A. (2016) «Povedencheskaia» voina kak odna iz perspektivnykh nevoennykh ugroz bezopasnosti Rossii ["Behavioral" war as one of the promising military threats to Russia's security] // Informatsionnye voiny [Information wars]. – № 4 (40). – P. 20-25. (In Russ.)

7. Litvinov, D.A. (2019) Otsenka politiki Rossii v oblasti kiberbezopasnosti i vozmozhnye varianty ee sovershenstvovaniia [Evaluation of Russia's policy in the field of cyber security and possible ways of its improvement] // Vestnik nauki i obrazovaniia [Herald of Science and Education]. – № 19-2 (73). – P. 76-82. (In Russ.)

8. Ponomareva, E.G. (2011) Bosniia i Gertsegovina: gosudarstvo bez gosudarstvennosti [Bosnia and Herzegovina: a state without statehood] // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. – № 1 (16). – P. 64-76. (In Russ.)

9. Redkous, V.M. (2009) Nekotorye voprosy sovershenstvovaniia Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Some questions of the improvement of strategy of the national security of Russian Federation] // Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika [Law and State: The Theory and Practice]. – № 8 (56). – P. 83-88. (In Russ.)

10. Tiushkevich, S.A. (2008) Bezopasnost' v usloviakh mirovogo krizisa [Security in the context of the global crisis] // Voенно-философский вестник [Military Philosophical Bulletin]. – № 2 (02). – P. 12-16. (In Russ.)

11. Sharikov, P.A. (2015) Informatsionnye operatsii sovremennoi voennoi strategii SShA. Analiz doktrinal'nykh dokumentov ministerstva oborony i gosudarstvennogo departamenta SShA [Information operations of the modern US military strategy. Analysis of the doctrinal documents of the US Department of Defense and the US Department of State] // Rossiia i Amerika v XXI veke [Russia and America in the XXI century]. – № 1. (In Russ.)